

НАТАЛЬЯ

Александрова

следствие
ведет:

**ВАСИЛИСА
СЕЛЕЗНЕВА**

НОВИНКА

Белая
ворона

Следствие ведет Василиса Селезнева

Наталья Александрова

Белая ворона

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Белая ворона / Н. Н. Александрова — «Издательство АСТ»,
2020 — (Следствие ведет Василиса Селезнева)

ISBN 978-5-17-117066-0

В прошлом майор полиции, а ныне заслуженный пенсионер Василий Макарович Куликов и его верная помощница Василиса Селезнева – весьма успешная команда частных детективов. Он имеет за плечами огромный опыт в разгадывании сложных криминальных загадок и связи в полиции, она чрезвычайно любопытна, энергична и обладает идеальной памятью. Очередное дело выводит сыщиков на подозрительный зоомагазин. Казалось бы, что там можно расследовать? Супружескую неверность ангорского хомяка или хищения кошачьего корма в особо крупных размерах? Однако на поверку все оказывается гораздо серьезнее. И чтобы вывести на чистую воду всех злоумышленников, Василию и Василисе потребуется немало сил и отваги. А на помощь им придут не кто-нибудь, а дрессированные вороны!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117066-0

© Александрова Н. Н., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Наталья Александрова

Белая ворона

© Н. Александрова, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Василий Макарович раздвинул кусты и выбрался на узкую тропинку, уходящую в глубину парка.

Его объект, рослый, начинающий седесть, хорошо одетый мужчина средних лет, шел вперед уверенной пружинистой походкой, не оглядываясь назад. Он явно не замечал слежку, что, конечно, было на руку Василию Макаровичу.

Тем не менее не следовало терять бдительность.

Василий Макарович сделал несколько шагов вперед и спрятался за густым кустом сирени, откуда хорошо просматривалась тропинка, по которой шел объект.

Неожиданно объект сошел с тропинки, углубился в заросли и позвал кого-то ласковым голосом:

– Клара! Кларочка!

«Ну вот, дело, считай, сделано...» – подумал Василий Макарович с каким-то странным сожалением.

Казалось, он должен был радоваться: еще немного, и он получит улики, которые сможет предъявить заказчицам... таким образом, его работа будет успешно выполнена, но в душе был какой-то неприятный, горький осадок, какой бывает во рту после употребления зубной пасты «Лесной аромат».

Не об этом он мечтал, когда организовывал свое детективное агентство...

Здесь нужно кое-что пояснить.

Еще не так давно Василий Макарович Куликов служил на скромном, но ответственном посту в районном отделении полиции. Успешно боролся с преступностью, проводил профилактическую работу и улучшал районную статистику правонарушений. Его успехи неоднократно отмечались руководством, он дослужился до звания майора. Но потом случилось неизбежное – незаметно пришла пора, и Василий Макарович вышел на пенсию.

Сослуживцы сердечно проводили Куликова на заслуженный отдых, подарили ему по этому поводу купленный вскладчину хороший плазменный телевизор. Начальник отделения произнес прочувствованную, хотя и несколько затянувшуюся речь, в которой отметил неизменный профессионализм майора Куликова, сказал, как всем в отделении будет его не хватать, и подарил хорошие дорогие часы, которые показывали не только время, но и частоту пульса, а также артериальное давление. Что Василий Макарович посчитал не совсем уместным напоминанием о своем возрасте.

В общем, проводы Василия Макаровича прошли успешно, так же успешно закончился скромный фуршет, и Куликов остался один на один с заслуженным отдыхом.

Первые дни он наслаждался неожиданно свалившейся на него свободой.

Просыпался с радостным ощущением, что его ждет что-то хорошее – и тут же понимал, что не нужно спешить на работу, и вообще никуда не нужно спешить, не нужно готовить бесконечные отчеты, не нужно думать о криминальной статистике, не нужно выслушивать нагоняи от строгого начальства.

Но очень скоро он почувствовал, что ему чего-то не хватает, что жизнь его стала пуста и бессмысленна без всего того, что наполняло ее многие годы, – без погонь и засад, без головоломных расследований и увлекательных приключений.

Жена Василия Макаровича умерла несколько лет назад, детей не было. Прежде он делал это в свободное от работы время, для разрядки и снятия стресса он собирал модели воен-

ной техники: танков, бронемашин и самоходных артиллерийских установок. Теперь же, когда работы не было, не было и никаких стрессов, и интерес к хобби резко упал.

Конечно, был еще телевизор, та самая плазменная панель, которую подарили ему сослуживцы, но Василий Макарович никогда не любил сидеть перед голубым экраном, считал это занятие пустым и бесполезным и не собирался предаваться ему на старости лет.

Так он промучился несколько недель и уже начал от безысходности смотреть телевизионные программы. Конечно, не кулинарные программы и не дурацкие ток-шоу. Он смотрел только сериалы, преимущественно детективные.

Тут-то ему и пришла гениальная идея.

В тот вечер он смотрел по телевизору какой-то сериал, герой которого был частным детективом. Василий Макарович с возмущением отмечал многочисленные ошибки персонажа, промахи и недостатки в его работе и думал, что сам бы он выполнил эту работу не в пример лучше...

И тут он внезапно подумал: «А почему бы и нет? В самом деле, почему бы не заняться такой работой? Почему бы не открыть частное детективное агентство?»

Ведь каждый человек должен делать только то, что он хорошо умеет, только то, к чему у него есть душевная склонность и способности. Прирожденный лесоруб не должен делать операции на сердце, пчеловод не должен командовать десантной бригадой, искусный повар не должен руководить симфоническим оркестром, иначе в мире воцарятся безумие и хаос. Василий Макарович Куликов умел только бороться с преступностью и разгадывать сложные криминальные загадки, в этой области у него был огромный опыт.

Сказано – сделано.

Василий Макарович переговорил кое с кем из старых знакомых и сослуживцев, получил лицензию и открыл частное детективное агентство. Лишних денег у него не было, поэтому он не стал снимать отдельный офис, а выделил под него одну из комнат в собственной квартире.

Поначалу Василий Макарович был в одном лице и генеральным директором агентства, и его единственным сотрудником, но вскоре познакомился с девушкой по имени Василиса. Он столкнулся с ней совершенно случайно, помог выпутаться из сложного и опасного положения – и предложил работу. Василиса в тот момент и правда была в очень затруднительном положении – ее бросил муж, и она осталась без средств к существованию и без крыши над головой, поэтому с благодарностью приняла предложение.

Формально Василиса числилась бухгалтером и офис-менеджером (то есть секретарем, в переводе на человеческий язык), но на самом деле обязанности ее были сложнее и разнообразнее.

Еще у них был Бонни.

Но о нем – позднее.

Итак, Василий Макарович организовал собственное агентство, дал объявления в несколько рекламных газет и интернет-ресурсов и стал ждать клиентов.

Как ни странно, клиенты со временем появились, но тут Куликову пришлось пережить очередное разочарование.

Ему не приходилось расследовать загадочные преступления, не приходилось искать похищенные шедевры Рембрандта или драгоценности Великих Моголов, не приходилось возвращать в лоно семьи похищенных детей миллионеров.

По большей части к нему приходили обманутые мужья и жены или подозревавшие неверность своих супругов, которые хотели окончательно увериться в справедливости своих подозрений.

Что делать – за неимением лучшего приходилось браться и за такие дела. Вот и сегодня Василий Макарович был занят делом такого же сорта...

А началось все это несколько дней назад...

– Дядя Вася! – крикнула я. – Звонят, откройте! Откройте, у меня руки в муке!

– Кого это принесло с утра пораньше? – Мой шеф и напарник выглянул из ванной с одной намыленной щекой. – Васенька, открой, вдруг это клиентка...

– Так вроде рано еще... – проворчала я, вытерла руки о фартук, хотя терпеть не могу этого делать, и побежала к двери.

Не подумайте ничего такого, мы с дядей Васей просто тезки. И вместе только работаем, а живем в разных квартирах. Меня зовут Василиса, и некоторое время назад (полтора года, если точнее) мы познакомились с дядей Васей при очень сложных обстоятельствах. Я тогда переживала трудный период в жизни, а если называть вещи своими именами, то просто ужасный.

Мало того что меня предал, обманул и бросил муж, с которым мы прожили ни много ни мало шесть лет, так еще он выгнал меня из дома, оставив без крыши над головой и без средств к существованию. И, как будто этого было мало, так меня еще обвинили в убийстве его любовницы.

Вот тогда в моей жизни совершенно случайно появился дядя Вася – отставной мент на пенсии. Теперь-то я точно знаю, что полицейским он был хорошим, потому что сразу понял, что меня очень качественно подставляют. То есть потом-то Василий Макарович, как он представляется малознакомым людям, признался, что просто меня пожалел. И еще... еще ему очень понравился Бонни. Бонни – это... о, Бонни – это свет моих очей.

Бонни также появился в моей жизни случайно, чуть раньше, чем дядя Вася. Бонни – огромный, очень породистый бордоский дог светло-песочного цвета, морда его размером с саквояж, который стоял когда-то у моей бабушки на антресолях. Бонни меня обожает и совершенно не слушается.

В общем, Бонни – это отдельная песня. Причем не ария, не марш и не популярный шлягер восьмидесятых годов. Нет, Бонни – это скорее романс, причем слова каждый раз другие. Если иногда, в спокойный, так сказать, период, когда я испытываю к Бонни необыкновенную нежность, в душе моей звучат слова романса: «Я вас люблю, я думаю о вас и сохраню навеки ваше имя...», – то сегодня утром, увидев свои разодранные в хлам тапочки и выломанный с мясом ящик кухонного шкафчика, я вспомнила только: «Отойди, не гляди, лучше прочь уходи!» И вообще: «Не говорите мне о нем!»

Именно поэтому Бонни остался сегодня дома, я не повела его к дяде Васе, а велела гулять в садике. Квартира у меня в двухэтажном доме на первом этаже. И дверь выходит в небольшой садик. Там есть несколько кустов и клумба с цветами. И еще маленькая полянка, где Бонни может дышать воздухом и смотреть из-за забора на улицу. Забор у меня весьма добротный, на монолитном бетонном основании, и железная решетка прочно приварена.

Пришлось потратиться, потому что этот негодяй запросто подрывал землю под обычной сеткой и выскакивал в переулок, пугая до икоты старушек и мамаш с колясками.

Я с утра пораньше побежала к дяде Васе, потому что он договорился о встрече с клиенткой на десять утра.

Забыла сказать, мы с дядей Васей работаем частными детективами. То есть он-то, конечно, считает, что это он – частный детектив, а я так, сбоку припека. Вроде секретарши и уборщицы. Ну, бухгалтерию кое-какую могу вести, у меня, кстати, образование имеется соответствующее, правда, толком по специальности не работала, замуж вышла, да и вкалывала по дому с утра до вечера. За то муженек и отблагодарил. Ну, про это неинтересно.

Короче, дядя Вася долго противился тому, чтобы я, по его выражению, участвовала в оперативных мероприятиях. Но потом жизнь все расставила по своим местам.

Сами посудите, кто обращается к частным детективам? Фирма у нас небольшая, сотрудников всего двое, берем за свои услуги мы недорого, клиентов ищем в Интернете. Стало быть, кто наши основные клиенты? Правильно, ревнивые мужья и жены. И я вам скажу, что мужей

гораздо больше. За женой там проследить или за любовницей. А куда дамы ходят чаще всего? В салон красоты да на фитнес. И тут я выхожу на первый план, поскольку мужчину прилично за пятьдесят, в скромной китайской курточке и ботинках а-ля рюсс в дорогом салоне пустят только на порог. И то с черного хода. Чтобы тут же вытолкать взашей – дескать, ничего не покупаем и дворника уже взяли.

А меня пустят. Если, конечно, оденусь поприличней и над лицом поработаю. В общем, когда дядя Вася понял, что без меня ему не обойтись, он скрепя сердце стал меня отпускать на задания. Сегодня же сам с утра вызвал. Придет, сказал, клиентка, судя по голосу, дамочка молодящаяся, явно мужа ревнует, так что приди, тезка, определись на месте, ты лучше меня в женских штучках понимаешь.

Вот, дождалась я похвалы, наконец.

Прибежала я часов в восемь, потому что рассердилась на Бонни и не стала завтракать. При виде человеческой еды это прожорливое чудовище станет ныть, чтобы ему дали ветчины или сыру, станет бодаться своей каменной башкой и трогать меня лапой. Я попытаюсь выдержать характер, тогда Бонни начнет выть. А это, я вам скажу, такие звуки, какие издают примерно сто пожарных машин, когда одновременно спешат по срочному вызову. Было уже такое пару раз, и хоть соседи у меня люди хорошие и животных любят, однако такое не всякий выдержит, так что скандала не избежать.

В общем, я разбудила дядю Васю, и пока он занимался водными процедурами, готовила ему на завтрак сырники.

Забыла сказать, дядя Вася – мужчина балованный. Его покойная жена была женщиной домовитой, хозяйственной и готовила хорошо, так что дядя Вася привык вкусно и калорийно питаться. Потом-то пришлось, конечно, перейти на пельмени да сосиски. Поэтому он ценит мои старания его накормить.

Я плюхнула на сковородку последнюю порцию сырников, и тут раздался звонок в дверь. Ну, кого еще принесло в такую рань? Если это соседка тетя Зина, то это кстати, я попрошу у нее немного варенья к сырникам. Я люблю со сметаной, а дядя Вася – с вареньем. Сейчас июнь, у тети Зины прошлогоднего варенья небось много осталось.

Соседка дружила еще с дяди-Васиной покойной женой и теперь подкармливает его по доброте душевной.

Я распахнула дверь, не спрашивая, и остолбенела, увидев на пороге незнакомую женщину.

– К детективу Куликову, – сказала она, оглядев меня с ног до головы, – мы договаривались.

М-да-а, договаривались они на десять ноль-ноль, а сейчас еще и девяти нет, подумала я и тут же сделала все, чтобы эта мысль не отразилась на лице. Вторая мысль была: хорошо, что сняла фартук, а то меня приняли бы за домработницу.

– Вы уж извините, мы немного пораньше пришли, – затараторила женщина, прочитав тайное неодобрение в моих глазах, и взглянула вопросительно.

Интересно, почему это она о себе говорит во множественном числе?

– Проходите, пожалуйста, Василий Макарович вас примет. – Я посторонилась, и в дверь вошла такая, в общем, симпатичная женщина примерно лет сорока пяти. То есть она-то старалась казаться моложе, и это ей иногда удавалось. Но не в моем случае, у меня в этом смысле глаз – алмаз. Сразу могу угадать, сколько женщине лет на самом деле, натренировалась. Эта хоть и довольно ухожена, но полновата. Слегка, так что ее лишний вес и не портит. Но возраст выдает.

Я собиралась закрыть дверь, но тут в проем протиснулась еще одна дама. Примерно такого же возраста. И несмотря на то что первая была полноватая блондинка, а вторая – худо-

шавая шатенка, у первой волосы были подстрижены короче, а у второй – доходили до плеч, и глаза темные, две женщины были чем-то похожи.

Сестры, что ли? Да нет, скорее подруги. Все ясно, клиентка позвала подружку, чтобы поддержала в трудную минуту. Ну, я бы на ее месте этого не сделала, потому что через день, максимум через два, о ее проблемах с мужем станет известно всем знакомым.

Но у меня, к счастью или к несчастью, нет подруг, так что я не могу судить справедливо.

Следующей моей мыслью были оставленные на плите сырники, так что я стрелой метнулась на кухню, махнув дамам рукой, чтобы проходили в комнату.

Квартира у дяди Васи двухкомнатная, офис он сделал в бывшей гостиной. То есть она только так называлась – гостиная, из приличной мебели был там лишь диван, да и то пришлось купить на него новое покрывало, поскольку старое, связанное еще покойной женой, вид имело совершенно непрезентабельный. Подозреваю, что дядя Вася валялся на нем в верхней одежде, а то и в ботинках.

Забыла сказать, после смерти жены он не то чтобы опустился, но от горя стал немного подзашибать. Или за воротник закладывать, это уж как вам больше нравится. Ну, теперь-то, когда есть работа, он такого себе не позволяет.

В общем, одна коммерческая фирма неподалеку разорилась и распродала мебель, и я приобрела почти новый письменный стол и два не очень удобных кресла, потому что на тех стульях, что имелись у дяди Васи, сидеть было невозможно. Полку над столом дядя Вася заставил картонными канцелярскими папками, набитыми старыми газетами, для солидности. На столе находился довольно новый ноутбук, так что в целом комната производила приличное впечатление. Для этих двоих, во всяком случае, сойдет.

Пока дамы устраивались в креслах, дядя Вася причесался и надел свежую рубашку, однако клиентки, увидев его, выглядели разочарованными. Уж не знаю, кого они ожидали увидеть: мужественную мускулистую личность или же Шерлока Холмса в клетчатой кепочке, но перед ними оказался немолодой, довольно потертый и самый обычный мужичок.

– Прежде всего, – начал дядя Вася решительным голосом, – я хотел бы увидеть ваш паспорт.

– Это обязательно? – отшатнулась блондинка. – Я же не в полицию пришла, а к частному детективу.

– Вот именно, – влезла я, – полицию-то обманывать мало кто решится, это себе дороже выйдет, а у нас частная фирма, мы-то от вас ничего не скрываем.

– Помощница моя, Василиса, – дядя Вася правильно понял мой намек, – можете говорить при ней.

Блондинка поджала губы, однако ничего не сказала. Каково же было наше удивление, когда дамы одновременно протянули дяде Васе бордовые книжечки паспортов.

Блондинку звали Галина Андреевна Сырникова, я прочитала это через плечо своего шефа. И возраст – сорок шесть лет, что ж, я почти не ошиблась. А шатенка звалась Алиной Андреевной же, но не Сырниковой, а вовсе даже Варенец.

– Вы сестры? – Дядя Вася поднял брови.

– Нет, – ответили хором мы трое, и дамы посмотрели на меня с интересом.

– Тогда подруги?

– Не совсем... – протянула шатенка Алина. И добавила чуть раздраженно: – Давайте уж мы изложим наше дело!

– Слушаю вас внимательно! – сказал дядя Вася и наклонил голову, хоть я и запретила ему это делать.

Дело в том, что, когда он наклонялся вперед, становилась видна довольно большая плешь на макушке. Вообще-то она всегда видна, но в таком ракурсе выглядит смешно и несолидно,

напоминает формой не круг, а треугольник, только углы не острые, смазанные. В общем, несерьезный вид.

Блондинка ничего не заметила, зато у Алины глаза блеснули, и губу она закусила. Потом толкнула блондинку Галину в бок, и та послушно начала излагать свое дело.

Она замужем скоро как пятнадцать лет. Брак удачный, муж ее, Валентин Иванович Сырников, имеет собственный бизнес, не слишком большой, но стабильный, торгует испанской сантехникой и кафельной плиткой. А плитка, как известно, всегда нужна, люди новые квартиры покупают и ремонты делают. Не говоря уже о сантехнике. Так что муж вполне состоятельный человек и способен содержать жену и удовлетворять ее желания (в пределах разумного, конечно). Она, Галина, мужа своего ценит, поэтому относится к нему с вниманием.

В общем, все было хорошо до недавнего времени. И вот заметила она, что муж изменился. Стал задерживаться на работе (то есть это он так говорил, но Галине не составило труда проверить и выяснить, что на работе его нет). То в выходной день куда-то уезжает, отговариваясь встречами с поставщиками или партнерами. То машина у него сломалась, и он полдня якобы в сервисе провел.

В общем, все его отговорки и оправдания были шиты белыми нитками и рассчитаны на полных идиотов, каковыми Галина и Алина себя вовсе не считали.

В этом месте рассказа до меня кое-что дошло, и я вопросительно взглянула на Алину. Та еле заметно кивнула. Для дяди Васи же наши переглядывания остались незамеченными. Он подумал немного и спросил, точнее, высказался утвердительно:

– Любовница...

– Исключено, – тут же вступила в разговор Алина.

– То есть?.. – Он поднял брови.

Нет, от этих мужчин никакого толку!

– Василий Макарович... – начала я.

– Да ладно, – перебила меня Алина, – я объясню. Любовница – это я. Многолетняя и единственная.

– Ну да, – подхватила Галина, – сколько уж лет? Пять или шесть?

– Семь, – поправила ее Алина, – в будущем месяце семь лет будет. Мы с Валентином познакомились, когда ты на месяц к матери ездила в Новосибирск.

– Надо же, а раньше ты говорила, что годом позже, когда я в санатории печень лечила!

– Да какая теперь разница! – отмахнулась Алина. – Главное – это выяснить, куда он ездит.

– То есть вы хотите сказать... – дядя Вася смотрел на них в полном удивлении, – что вы... подруги?

– Ну да, – рассмеялась Алина, – не сразу, конечно, познакомились. То есть я-то, конечно, знала, что Валентин женат, он не скрывал и сразу сказал, что семью не бросит. Ну а мне тоже хватало наших встреч два раза в неделю. Приходит весь чистый, аккуратный, жена за ним следит, чего еще-то надо?

– А я, – подхватила Галина, – поначалу беспокоилась, когда поняла, что у него кто-то есть. Ну, конечно, поспсиховала маленько, пыталась его выследить, да вовремя опомнилась, решила выждать, понаблюдать. Думаю, зачем раньше времени скандалить? Этак можно мужчину подтолкнуть, так он и уйдет.

– И как же вы подружились?

– Вы не поверите, из-за пуговиц все вышло! – Галина улыбалась, что ей очень шло, даже помолодела лет на десять. – Значит, собирался муж как-то на работу, и тут пуговица на рубашке у него оторвалась. А он торопится на переговоры важные, переодеться некогда уже. Ну, я пришила пуговицу прямо на нем, хоть и примета плохая. Да еще ниток у меня голубых не нашлось, взяла белые. А потом как-то смотрю на эту рубашку – пуговица пришита не по-моему, и нитки голубые!

Интересно, думаю. Взяла другую рубашку, в полоску серую, отпоролла пуговицу и пришила ее белыми нитками. И в тот же вечер смотрю – она серыми пришита!

– Долго мы так через пуговицы общались, – подхватила Алина, – потом познакомились. И договорились полюбовно. Мои два раза в неделю, остальное – Гале.

– А если мне уехать куда надо, то Аля за мужем присмотрит, у меня теперь душа спокойна. И все было хорошо, но теперь вот... короче, нам надо знать, что он задумал.

– Дети у вас есть?

– Нет. И у него нет, никаких первых браков, один только раз был женат.

– Ладно, – сказал Василий Макарович, доставая стандартный бланк договора, – на кого оформлять будем?

– На обеих, – хором сказали дамы, – и расходы пополам.

Василий Макарович отвлекся от воспоминаний – и увидел... точнее, как раз не увидел свой объект. Пока частный детектив вспоминал прошлое, Валентин Сырников исчез в зарослях на другой стороне поляны.

– Что же это такое! – пробормотал Куликов. – Теряю хватку... неужели это конец?

Но тут он услышал громкий треск сучьев и по этому звуку определил место нахождения объекта. Стараясь не шуметь, он прокрался через открытое пространство, снова прислушался и углубился в густые заросли.

Впереди снова раздался треск сломавшейся ветки, и знакомый голос проговорил с ласковой, призывной интонацией:

– Клара! Кларочка! Где ты, моя дорогая? Я здесь! Я пришел! Иди ко мне!

«Надо же, выбрать такое неудобное место для свидания! – раздраженно подумал Василий Макарович, осторожно продираясь через кусты и в то же время расчехляя фотоаппарат. – До чего, выходит, боится, что его разоблачат...»

Ему нужно было непременно сфотографировать Сырникова на месте, так сказать, преступления, а для этого необходимо подобраться как можно ближе.

Он сделал еще несколько шагов – и увидел впереди неглубокий ручеек, через который была переброшена в качестве мостика хлипкая доска.

Сырников копошился в зарослях по другую сторону ручья.

Василий Макарович тяжело вздохнул и осторожно ступил на импровизированный мостик. Доска под ним предательски закричала, но выдержала.

«Худеть надо! – грустно подумал Куликов. – Еще пару килограммов наберу – и прощай, оперативная работа!»

Он сделал еще один шаг, еще...

На другой стороне ручья снова отчетливо послышался треск ветвей.

Куликов замер.

Отсюда, с середины мостика, он смог разглядеть в узком просвете между кустами крошечную полянку, на которой стоял объект его наблюдения.

Василий Макарович взгляделся в просвет, чтобы рассмотреть пассию Сырникова, но не увидел никого, кроме большой серой вороны, которая приближалась к Валентину Ивановичу, наклонив голову набок и сверкая круглым выпуклым глазом.

– Клара, Кларочка! – ласково ворковал Сырников, двигаясь навстречу вороне.

Он наклонился, протянул руку.

Приглядевшись, Василий Макарович с удивлением увидел в руке объекта кусок сыра. Приличный кусок, граммов двести. По внешнему виду скорее всего маасдам.

– Вороне где-то Бог послал кусочек сыру... – пробормотал сыщик памятные с детства строки.

Ему внезапно вспомнился урок литературы, на котором его вызвали к доске, чтобы прочесть на память эту басню. Басню Вася не выучил и теперь шел к доске, как приговоренный к казни идет на эшафот. Казалось, ничто уже не может спасти его от заслуженной двойки...

И вот, когда он проходил мимо первой парты, отличница Таня Букина незаметно вложила в его руку шпаргалку.

Сыграло это роль или нет, но лет десять спустя он женился на Татьяне.

И прожил с ней много счастливых лет...

– Опять отвлекся! – пробормотал Василий Макарович и поднял фотоаппарат.

Впрочем, что он будет снимать?

Как Сырников кормит ворону?

Вряд ли эти фотографии удовлетворят заказчицу...

Тут совсем рядом с ним раздался громкий, хриплый, возмущенный крик – и на Василия Макаровича спикировало что-то большое и страшное. Он поднял руки, пытаясь заслонить голову и особенно глаза, и потерял равновесие. Доска под его ногами подломилась, и доблестный сыщик свалился в ручей.

Кое-как приподнявшись, он увидел, что в воздухе над ним кружат две большие вороны. Хрипло каркая, они по очереди пикировали на незадачливого детектива.

Ко всему прочему в самый неподходящий момент расстегнулся ремешок, и замечательные часы, подаренные ему начальником отделения, упали в ручей.

– Кыш, гадкие птицы! – крикнул Василий Макарович, одной рукой отбиваясь от ворон, а второй пытаясь достать из воды часы.

Ему это уже почти удалось, когда одна из ворон спикировала на него и прямо в полете выхватила подарок начальника.

– Чтоб тебя! – в сердцах воскликнул Василий Макарович.

Тут рядом с ним раздался громкий голос:

– Карл! Кайзер! Прекратите немедленно! Что вы себе позволяете? Оставьте человека в покое!

Вороны еще что-то недовольно прокаркали, но отлетели прочь и уселись на ветвях корявой низкорослой сосны, где их уже поджидала третья ворона – та самая Клара, с которой незадолго до того общался Сырников.

К Куликову подошел не кто иной, как объект его расследования – Валентин Иванович Сырников, и протянул руку:

– Поднимайтесь! Эх вы промокли! Прямо до нитки! Как вас так угораздило?

– Это все они, вороны... – обиженно проговорил Василий Макарович, неловко поднимаясь на ноги и выбираясь из ручья. – Налетели, когда я по мостику шел... надо же, какие злые птицы...

– Это они гнездо защищают, – ответил Сырников, помогая Василию Макаровичу. – У них тут гнездо рядом, скоро птенцы должны вывестись, а вообще-то они не агрессивные.

– Гнездо? – переспросил Василий Макарович. – Но тогда их должно быть двое – самец и самка, а тут, по-моему, трое... если я, конечно, не обсчитался...

– Это вы точно заметили, – усмехнулся Сырников. – Карл и Клара – это счастливые родители, а Кайзер – он просто друг дома. Он не смог создать собственную семью и теперь помогает Карлу и Кларе растить потомство...

– Надо же, как интересно! Прямо как у людей! Был у меня, давно еще, один знакомый. Тоже все в гости к друзьям ходил – друг дома, друг дома... а потом приходит как-то муж с работы, а там записка от жены. Прости, пишет, не могу больше жить во лжи, ухожу к Николаю совсем, и не ищи меня, потому что больно мне тебя видеть. Во как! Ушла и, между прочим, сберкнижку прихватила, а там все деньги на кооперативную квартиру, пять тыщ, по тем временам полжизни копить надо...

– Ну, – рассмеялся Сырников, – в данном случае вряд ли Клара от Карла уйдет – куда же она из гнезда денется. Но, конечно, у ворон очень сложное групповое поведение. Сложное и интересное.

Василий Макарович неодобрительно посмотрел на ворон и смущенно добавил:

– Кстати, этот ваш друг дома у меня утащил часы. Они мне вообще-то дороги как память. И вообще очень хорошие, давление показывают и все прочее. Их никак нельзя вернуть?

– Часы? – Сырников всплеснул руками. – Ох уж этот Кайзер! Так и норовит утащить все блестящее!

– Правда, все как у людей... – проговорил Василий Макарович. – Знал я одну такую личность, кличка у нее была Манька Сорока. Тоже – как увидит что-то блестящее, особенно по ювелирной части, так и норовит стащить. В конце концов села на два года. А ведь я ее неоднократно предупреждал... Беседы с ней проводил профилактические, уговаривал по-хорошему. Маня, говорю, брось ты это дело, не доведут тебя до добра эти цацки. Не послушалась...

– Ну, ничего, – проговорил Сырников, глядя на ворон. – Сейчас мы попробуем вернуть ваши часы... Кайзер! Кайзер! Имей совесть! Отдай часы – они же тебе все равно не нужны! У тебя давление идеальное, а время тебя не интересует!

Большая серая ворона перелетела на соседнюю ветку. Василий Макарович заметил, что в клюве у нее что-то сверкнуло.

– Не хочет отдавать, – вздохнул Сырников. – Очень уж ему нравится все блестящее. Ну, может, согласится на обмен...

Он достал кусок сыра – поменьше того, который отдал Кларе, и положил его на видное место. Ворона спикировала с ветки, приземлилась рядом с сыром, сделала пару шагов вперед и остановилась.

В глазах ее читалось колебание: ворона мучительно раздумывала, что предпочесть.

– Кайзер, ну ты только посмотри, какой вкусный сыр! – уговаривал ворону Валентин Иванович. – Алтайский, между прочим! Знаешь, какие на Алтае качественные молочные продукты? Не каждой вороне удастся их попробовать!

Ворона сделала еще один маленький шагок к сыру, подозрительно покосилась на людей.

– Вы же сказали, что он самец, – с сомнением проговорил Василий Макарович.

– Ну да, конечно, Кайзер – самый настоящий самец, а что?

– Тогда он не ворона, а ворон!

– Да что вы такое говорите! – возмутился Сырников. – Ворона и ворон – это совершенно разные птицы! Ворона – серая и чуть поменьше, ворон – черный и очень крупный. В нашем регионе, кстати, ворон встречается гораздо реже, чем ворона...

– Да что вы? А я думал, что ворон... это как бы муж вороны... или там друг...

– Очень, между прочим, распространенное заблуждение! Это совершенно разные птицы! Ворон, между прочим, живет значительно дольше, чем ворона...

– Надо же! – Василий Макарович вздохнул. – А у нас все наоборот – мужики умирают гораздо раньше...

– Потому что мы ведем неправильный образ жизни... кстати, смотрите, я его все же уговорил!

Действительно, во время разговора Кайзер подобрался к сыру, бросил на землю часы и ухватил клювом кусок маасдама. Сырников протянул руку и схватил часы.

– Сыр выпал – с ним была плутовка такова! – процитировал Василий Макарович любимую басню. – То есть как раз не сыр...

– Вот ваши часы! – проговорил Сырников. – Конечно, он их перепачкал, но мы сейчас их оботрем...

Он достал из кармана кусочек замши, чтобы протереть злосчастные часы.

– Да не стоит, Валентин Иванович! – Частный детектив протянул руку за своими часами.

– А откуда вы знаете, как меня зовут? – удивленно спросил Сырников. – И что это здесь за гравировка?

Он поднес часы к глазам и прочитал:

– «Майору Куликову от руководства отделения полиции за доблестную службу». Так вы, выходит, полицейский? – Сырников подозрительно взглянул на собеседника. – И знаете мое имя-отчество... и вообще, как вы оказались в этом месте? Сюда обычно никто не ходит...

Тут он увидел фотоаппарат Василия Макаровича и строго проговорил:

– Мне кажется, вы должны мне все это объяснить!

– Ох, прокололся! – тяжело вздохнул Куликов. – Точно, теряю квалификацию!

– Так вы – полицейский?

– Ну, не совсем... то есть...

– Давайте уж говорите начистоту! – Сырников придвинулся ближе, и Василий Макарович с опасением разглядел его широкие плечи и хорошо развитые мускулы.

Мужик-то крепкий, в зал небось ходит, здоровье хорошее, раз с двумя бабами управляет. Этак еще накостыляет, а здесь и на помощь звать некого...

– Давай, дядя, говори уже! – рявкнул Сырников. – Не тяни кота за хвост!

– А что мне еще остается? – Василий Макарович пригорюнился. – Все одно вы меня раскололи! Только бы присесть где-нибудь, а то что-то я утомился...

– Присесть – это можно... – Сырников достал из рюкзака складной брезентовый стульчик, какими пользуются рыболовы, поставил его перед Василием Макаровичем, сам сел на бревнышко. Затем достал еще и термос, налил в металлический стаканчик горячего кофе и протянул его Куликову:

– Выпейте, а то вы какой-то уставший.

Теперь вид у него был спокойный, разговор вежливый, хотя ясно было, что с этим мужчиной шутить не стоит.

Василий Макарович благодарно взглянул на Сырникова, отпил кофе и вздохнул:

– Ох, правда устал... сдавать начал... не по возрасту мне такие приключения...

– Так что – вы все же полицейский?

– Был полицейским, много лет. Пока не вышел на пенсию. А сейчас я – частный детектив.

– Надо же, как интересно! Я думал, они только в кино бывают!

– Нет, не только...

– И что же – вы за мной следили?

– Да... – Василий Макарович тяжело вздохнул и отвел глаза. – По поручению клиента... или, точнее, клиентки...

– Давайте угадаю. Вас наняла Галина? Или Алина?

– Обе... – нехотя выложил Куликов.

– Обе?! – удивленно воскликнул Валентин Иванович. – Надо же! Договорились! Спелись!

– Да, они вместе ко мне в агентство пришли. Видите ли, они друг про друга давно знают и уже как-то примирились, привыкли. Обязанности распределили, кто, когда, вдвоем за вами присматривают. А тут почувствовали, что у вас еще кто-то появился, и очень беспокоились. И на этой почве еще больше подружились.

– Да никого у меня нет! Вот еще не хватало! Мне этих-то двух больше чем достаточно!

– А куда же вы от них все время сбегаете?

– Да вот сюда... – Сырников обвел выразительным взглядом окружающие их заросли.

– К воронам?

– Именно!

– Что-то я не могу понять... – Василий Макарович отхлебнул кофе, который был крепкий и горячий, ему сразу стало теплее.

– А что тут непонятного? Я по образованию биолог, если точнее – биолог-этолог, то есть изучаю поведение животных. Очень, между прочим, интересная наука. Когда-то в серьезном институте преподавал, кандидатскую диссертацию защитил и для докторской все материалы подготовил. Но тут стало плохо с финансированием, Галина передо мной поставила вопрос ребром – или я, говорит, или твои вороны. Жить-то на что-то надо. В общем, я занялся бизнесом. И вроде даже хорошо пошло... я, знаете, кафельной плиткой торгую, в основном испанской... и еще унитазами, – проговорил Сырников смущенно, – унитаз – это предмет первой необходимости. Предмет, как говорится, гарантированного спроса. Кризис или не кризис, инфляция или девальвация, а без унитаза не может обойтись ни одна семья.

– Это точно, – вздохнул Василий Макарович, вспомнив, как долго пилила его Василиса, чтобы он сделал ремонт в ванной.

«К нам, – ворчала, – люди ходят, клиенты, а тут такое безобразие. Ванна вся облупленная, и раковина течет!»

Можно подумать, клиенты у них в ванне мыться будут...

– Так что в смысле бизнеса у меня все было в порядке, но вот для души чего-то не хватало. Сначала я подумал, что это у меня кризис среднего возраста. Посмотрел на своих друзей, на компаньонов – у всех кроме жен были еще какие-то женщины. Ну, раз у всех есть, завел и я Алину. Только ничуть легче мне от этого не стало. То есть поначалу-то вроде интересно, а потом опять, чувствую – вроде все то же самое. А тут еще хоронили мы нашего преподавателя, собрались кто мог. И представляете, многие, конечно, уехали – кто в Европу, кто в Штаты, и там по специальности работают, а из тех, кто остался, – никто! Ну, максимум в вузе преподают. И говорит мне одна преподавательница – старенькая уж. Валя, ты, говорит, первый на курсе был, а теперь что? И в первый раз в жизни стыдно мне стало, что я унитазами торгую. Хотя чего уж тут стыдиться... И тут я вспомнил свою основную специальность, нашел материалы к докторской диссертации – Галина их давно на антресоли убрала – и подумал, что надо продолжить исследования... и сразу так мне, представляете, стало хорошо...

– Представляю! – кивнул Василий Макарович.

Он вспомнил, как маялся и страдал первое время на пенсии, пока не догадался открыть свое агентство.

– Вот видите – вы меня можете понять! Но вот Галина ни за что бы не поняла... да и Алина тоже. Начались бы охи да вздохи, стоны да слезы. Да как же мы жить будем, да на какие деньги на море поедem и шубу новую купим? Женщины такое вообще плохо понимают. Многие, по крайней мере. Думаю, что большинство.

Сырников замолчал, потом грустно взглянул на Василия Макаровича и проговорил:

– Так что же теперь будет? Вы им все честно расскажете? Они меня тогда со свету сживут. Особенно если вместе...

– А что же мне делать? – вздохнул Василий Макарович. – Я же должен отчитаться о проделанной работе. От этого зависит моя профессиональная репутация...

– Да... репутация – это все... может, вы потянете, скажете, что сегодня ничего не узнали, что я ни с кем не встречался?

– Ну, допустим, сегодня они мне поверят, допустим, завтра, еще несколько дней, но рано или поздно потребуют предъявить результат... и если я ничего не предъявлю – найдут другого сыщика, который не пойдет вам навстречу...

– Да, вы правы... так что же делать?

Вдруг взгляд Василия Макаровича прояснился.

– Вот что мне пришло в голову... – Он опасливо огляделся по сторонам и полупшепотом поведал Сырникову свой план.

– Ты что? – удивился тот. – Думаешь, получится? – От волнения он перешел на ты и даже этого не заметил.

– Ты со мной по-хорошему, так и я тебе помогу! – сказал Василий Макарович. – Получится – и всем только лучше будет, заодно и дамочек своих приструнишь малость, а то много воли взяли.

Сырников вздохнул и спросил ворону, сидящую неподалеку на ветке:

– Ты как думаешь, Кайзер?

– Пр-ро-катит! – каркнул Кайзер.

В тот же день Василиса позвонила Галине Сырниковой и от лица своего шефа назначила ей встречу в четыре часа пополудни в крупном торговом центре.

– Зачем же так сложно? – спросила Галина. – Разве нельзя как прошлый раз – встретиться у вас в офисе?

– Нельзя! – строго ответила Василиса. – Василий Макарович должен сообщить вам очень важную информацию, но встреча должна быть сугубо секретной, и вы должны прийти одна. И никому не говорите об этой встрече!

– Что – и Алину нельзя привести?

– Ни в коем случае! – отрезала Василиса. – Если вы будете не одна, Василий Макарович к вам не подойдет.

– Но почему?

– Он сам вам все объяснит.

– Значит, в четыре часа?

– Да, в четыре, подойдите к магазину постельного белья на втором этаже и остановитесь перед витриной.

Ровно в четыре заинтригованная Галина остановилась перед витриной с пододеяльниками. Она не успела толком рассмотреть выставленный товар, как вдруг за спиной у нее раздался тихий голос:

– Здравствуйте, Галина. Не оборачивайтесь!

Разумеется, Сырникова тут же обернулась и увидела Василия Макаровича Куликова. Частный детектив был мрачен и даже, кажется, немного испуган. На нем были темные очки и кепка с низко опущенным козырьком.

– Я же сказал – не оборачивайтесь! – прошипел он сквозь зубы. – Нельзя, чтобы они заметили нас вместе!

– Они? – переспросила Галина, которой невольно передались серьезность и испуг детектива. – Кто это – они?

– Вам этого лучше не знать! – едва слышно ответил Василий Макарович. – Для вашего же спокойствия!

– Но позвольте! Я же вас наняла, чтобы прояснить ситуацию, и хочу получить ответы... за свои деньги...

– Вы их получите. Но только сначала вы должны пообещать, что ничего не расскажете ни одной живой душе. Лучше будет, если вы дадите подписку о неразглашении...

– Да в чем дело-то? – всполошилась Галина.

– Дело в том, что мне удалось выяснить... благодаря моим давним связям в правоохранительных органах... но я могу рассчитывать на ваше молчание?

– Можете, можете! Да говорите уже, в чем дело?

– Дело в том, что ваш муж получил серьезное задание от одной очень секретной организации. Точнее – секретное задание от очень серьезной организации.

– Что?! – вскрикнула Галина, схватившись за сердце. – Валюсик? Секретное задание?

Она начала медленно сползать на пол, но Василий Макарович был начеку и подхватил ее на полпути.

Поддерживая Галину под локти, Василий Макарович довел ее до кожаного диванчика, усадил на него и слегка похлопал по щекам.

Галина вздрогнула, открыла глаза и завертела головой. Увидев детектива, она удивленно проговорила:

– Это вы?

– Я, я! – прошептал Василий Макарович. – Только не оглядывайтесь! Не вертите головой! И вообще не смотрите на меня, нас не должны видеть вместе! И ради бога, не теряйте сознание!

– Но почему... но что случилось... мне показалось, что вы сказали... вы сказали такое... что Валюсик... мой Валюсик...

– Вам не показалось! Ваш муж действительно выполняет секретное задание, но об этом никто не должен знать! Никто не должен догадываться! И никто не должен знать, что вы догадываетесь! Тьфу... никто не должен догадываться, что вы знаете!

– Но Валюсик... не может быть! Какое отношение мой Валюсик может иметь ко всему этому... он всего лишь торгует кафельной плиткой и сантехникой...

– Я не имею права вам ничего говорить! Это секретные сведения! Я дал подписку...

– Но вы обязаны! Ведь это я вас наняла! Я плачу вам деньги, и я должна знать! Лучше страшная правда, чем сладкая ложь! Скажите, или... или я... – и Галина снова начала бледнеть и заваливаться на спинку дивана.

– Только не теряйте сознание! Что я с вами буду делать? – Василий Макарович тяжело вздохнул. – Ладно, так и быть, скажу. Интерес спецслужб к вашему мужу связан с его прежней профессией.

– С прежней? – Галина встрепенулась и порозовела, явно раздумав терять сознание, глаза ее округлились от удивления. – Но раньше он занимался какими-то птичками... кому это нужно?

– Воронами, – машинально уточнил Василий Макарович.

– Ну да, воронами... зачем это спецслужбам?

– Опять-таки, я не имею права ничего вам говорить, но так и быть... очень серьезная организация использует ворон для передачи сверхсекретной информации. Вы же знаете – телефон можно прослушать, радиосигналы можно перехватить, а если послать важное сообщение с вороной, это гораздо надежнее. Вороны отличаются исключительной преданностью и интеллектом. А ваш муж умеет общаться с воронами... только, – спохватился Василий Макарович, – только никому об этом не говорите! Об этом не должна знать ни одна живая душа!

– Ни одна душа... – пролепетала Галина. – И что же теперь делать?

– Ничего не предпринимайте, не пытайтесь расспрашивать его и задерживать, когда ему нужно будет уехать. Знайте: это дело государственное!

– Государственное... – как эхо повторила Галина, – но что я скажу Але?

– Ничего не говорите. Мне разрешили поставить в известность только вас, поскольку вы – официальная жена. И вы должны хранить тайну.

– Но она станет спрашивать...

– Не станет! – Василий Макарович прекрасно знал, что именно сейчас Василиса проводит такую же беседу с Алиной, говорит, что только ей оказали особое доверие, поскольку она женщина умная и умеет хранить секреты, а Галина – существо легкомысленное, и лучше ей ничего не знать.

– Но деньги... – опомнилась Галина, собравшись уходить.

– Денег я с вас не возьму, – строго сказал Василий Макарович. – Думаете, я на таком важном деле наживаться стану?

В его голосе прозвучал самый настоящий пафос, потому что благодарный Сырников уже заплатил ему все, что причитается, да еще с лихвой.

Я записалась в парикмахерскую, поэтому привела Бонни к дяде Васе. Пес что-то с утра куksился, не стал завтракать. И на прогулке вел себя слишком спокойно, даже на пробежавшую кошку не среагировал, так что я слегка занервничала. Я ведь уже говорила, что очень привязана к своей собаке и трепетно отношусь к ее здоровью. Так что пускай дядя Вася понаблюдает за Бонни, если что – отвезем его к ветеринару.

– Хорошо, что пришла! – встретил меня дядя Вася. – Клиентка звонила, на десять утра договорились. Так что, Бонечка, придется тебе пока в спальне посидеть.

Сами понимаете, если клиент увидит в прихожей этакого бегемота, да еще слюна из пасти капает и клыки торчат, то не всякий на месте устоит. А если устоит, то забудет вообще, зачем пришел. Так что в таких случаях Бонни мы запикиваем в спальню и запираем дверь снаружи на хороший такой крюк. Железный, ручнойковки. Потому что Бонни обязательно хочет познакомиться с пришедшими и с этой целью бьется головой о дверь. Таким образом он сломал уже две обычные задвижки, и дверь пришлось укрепить.

– Опять небось ревнивая жена, – вздохнула я, – что-то они прямо косяком пошли...

На этот раз мы успели прибраться в квартире, и я даже погладила дяде Васе рубашку, так что он выглядел вполне прилично.

Стрелки часов показывали уже четверть одиннадцатого, а клиентки не было.

– Может, не придет? – с надеждой спросила я, потому что в салоне красоты меня просили не опаздывать, у мастера, мол, очень напряженный график.

– Не знаю, – дядя Вася в сомнении покачал головой, – голос у нее был... какой-то странный.

Мы прождали еще минут двадцать, и наконец, когда я уже решила, что она не придет, в дверь позвонили.

Вот вы не поверите, но я сразу поняла, что с этой клиенткой что-то не так. Потому что давно уже научилась определять клиентов по звонку. И очень редко ошибаюсь.

Понимаете, не каждый человек решится обратиться к частному детективу. Многие сомневаются, нервничают, долго колеблются. Оттого звонки робкие, неуверенные, прерывистые. Вот человек протянул руку, а потом сразу отдернул, как будто до самого конца еще не решил, звонить или нет. А потом нажал, но не сильно. А потом взял себя в руки и нажал посильнее.

Разумеется, все это относится исключительно к женщинам. Мужчины же звонят увереннее. Они не только ревнуют, но еще и злятся, себя накручивают.

Этот звонок был не то чтобы неуверенный, но какой-то дребезжащий, как будто у женщины дрожат руки. От волнения или от страха. От стресса, в общем.

Я посмотрела в глазок, но что там можно увидеть? Правильно, жуткую рожу с глазами больной лягушки. Но вроде бы рожа была женская, так что я распахнула дверь, о чем тут же пожалела. Надо было не открывать, да что там, просто к двери не подходить. И на телефонные звонки не отвечать. Или рявкнуть, что не туда попали, никаких Куликовых тут нет. И никогда не было.

Но я ничего этого не сделала и теперь, бросив один только взгляд на женщину, стоящую передо мной, сразу поняла, что с этой клиенткой мы будем иметь кучу неприятностей.

Женщина была явно не в себе. Об этом прежде всего говорили ее глаза. Хотя глаза я разглядела чуть позднее, потому что голова ее была опущена и лицо закрыто неопрятными, кажется, давно не мытыми волосами. Волосы были темно-рыжие, длинные и висели спутанными патлами, как у одной из ведьм в пьесе «Макбет».

Когда-то давно у моей бабушки была большая старая книжка пьес Шекспира, и я маленькая любила рассматривать картинки. Куда она потом делась? Не помню...

Так вот, одна ведьма в той книжке очень была похожа на эту женщину.

– Вы к кому? – опомнилась я и решила спровадить тетю как можно скорее.

Женщина подняла голову и уставилась на меня тяжелым пустым взглядом. Глаза у нее были воспаленные, белки с красными прожилками. Наверно, чтобы скрыть воспаление, она обвела вокруг черным, но вид получился как у коалы. Причем коала была явно пьющей или больной.

– Так вы к кому? – повторила я и сделала безуспешную попытку прикрыть дверь.

Не тут-то было. Она ухватила за ручку и заговорила торопливо, проглатывая слова и повторяясь:

– К Куликову я, к Куликову, к детективу. Мне к детективу нужно, очень нужно, просто очень!

Все ясно, судьба послала нам сумасшедшую. Сейчас начнет жаловаться, что ее собираются похитить зеленые инопланетяне или что у нее украли фамильные драгоценности ценой в сто миллионов долларов.

Я все пыталась захлопнуть дверь, но она оказалась сильнее меня и просочилась в прихожую. Ну не драться же с ней? Психи, они очень сильные бывают. А может, у нее нож в рукаве припрятан? Пырнет, и ей ничего не будет, у нее небось справка есть...

– Василий Макарович! – крикнула я.

Вот когда он нужен, его нет. Сидит в кабинете и щеки надувает, чтобы перед клиенткой солиднее казаться.

– Я звонила, я вам звонила! – Женщина замахала руками, затрясла головой, потом вытащила из кармана мобильный телефон и потрясла передо мной.

– Вот по этому, по этому телефону звонила! Вот по этому самому телефону! И говорила, говорила с ним, с Куликовым, с детективом Куликовым говорила!

Тут наконец дядя Вася сообразил, что у нас происходит что-то не то, и соизволил выйти в прихожую. Я молча развела руками в ответ на его вопрошающий взгляд.

– Проходите уж! – вздохнул он.

Женщина сняла черную куртку с капюшоном, на спине которой была вышита фантастическая птица немыслимой расцветки, бросила ее мне на руки и прошла в комнату. При этом умудрилась споткнуться на пороге, хотя на ногах у нее были туфли без каблука. Дядя Вася подхватил ее и усадил в кресло, а сам посмотрел на меня, дескать, что делать-то? Я молча пожала плечами.

– Слушаю вас! – обреченно сказал он.

– Меня хотят убить! Убить хотят! Я точно знаю! Точно знаю, что хотят!

Ну, кто бы сомневался. Ясно, хотят убить, все они так говорят. Убить, ограбить, изнасиловать, разобрать на органы... какой-то бред у них у всех одинаковый.

– Давайте по порядку, – голос у дяди Васи стал почти ласковым, – прежде всего, как вас зовут?

– Лена я, Лена. Сорокина Елена. Это по мужу, по мужу Сорокина. Только мужа убили! Убили мужа!

Она внезапно затрясла головой и затопала ногами.

– Вы не волнуйтесь так, – приговаривал дядя Вася, – может, водички выпьете?

Я открыла бутылку минералки, что стояла на столе, и налила в стакан. Вода не холодная, но мне не хотелось оставлять дядю Васю наедине с этой психованной. Она цепко схватила стакан и поднесла ко рту. Беспорядочно висящие волосы мешали, так что она откинула их, и я наконец смогла рассмотреть ее лицо.

Лицо это было все в веснушках, как часто бывает у рыжих. Выходит, натуральная рыжая. Только волосы грязные, так что сразу и не понять. И губы намазаны яркой морковной помадой.

Вот интересно, глаза подвела и губы намазала, а голову не помыла... Впрочем, кто поймет, что в голове у ненормальной?

Женщина жадно, большими глотками пила воду, потом вдруг бросила стакан на пол, я не успела его подхватить, и он разбился. Хорошо еще, что не вдребезги.

– Вот что, уважаемая, – нахмурился дядя Вася, – ведите себя прилично, а то я не смогу вам помочь.

Нельзя сказать, что его слова возымели действие. Но женщина как-то подобралась и теперь смотрела на дядю Васю с испугом, снова завесившись волосами. Я осторожно подобрала осколки, стараясь не поворачиваться к ней спиной.

– Так что случилось с вашим мужем? – Дядя Вася решил задавать наводящие вопросы.

– Убили, убили его, только они так сделали, что полиция не поверила... – женщина снова заговорила быстро и сбивчиво, – они меня и слушать не стали, выставили вон...

– Когда это случилось, вы помните точную дату? – вклинился дядя Вася.

– Четвертого, четвертого июня... он пошел, я, говорит, полежу... Полежу, говорит, отдохну... Отдохну, а ты мне не мешай... я спать, спать очень хочу. А я потом прихожу, а он уже мертвый, мертвый совсем... не шевелится и совсем холодный... совсем холодный... – Тут она затихла, видно, утомившись.

Мы с дядей Васей переглянулись. Сегодня у нас двадцать седьмое июня, стало быть, если женщина ничего не выдумывает и не путает, то муж ее умер чуть больше трех недель назад. Да еще, судя по всему, неожиданно.

Что ж, явно у нее стресс от горя.

– А врачи что сказали? – осторожно поинтересовался дядя Вася. – Какой диагноз поставили?

– Вот именно, с чего вы взяли, что мужа убили? – поддержала я своего шефа.

Возможно, я сказала это резковатым тоном, потому что время неумолимо бежало вперед, и если я выскочу из дома буквально через минуту, то успею добежать дворами до парикмахерской, минут на пять всего опоздаю.

– Врачи? Да что врачи! Разве им можно верить? Убили его, убили! – снова завела она свою песню. – Отравили мужа, я знаю, знаю... и знаю кто! Это Андрей сделал, Андрей, он ему всегда завидовал и говорил, что убьет, убьет...

– Вы это сами слышали? – спросил дядя Вася.

– И кто такой Андрей? – влезла я.

Женщина внезапно вскочила с кресла, схватила за волосы и начала их дергать.

– Вы мне не верите, не верите! – закричала она. – Они тоже не верят, а я знаю, что это Андрей, Андрей!

– Да успокойтесь же! – Дядя Вася схватил ее за руки и попытался снова усадить.

– Не трогайте меня! Не трогайте! – закричала она, вырвала руки и попыталась ударить его по лицу. Но тут уж я подскочила и перехватила ее руку.

– Дядя Вася, вызывайте перевозку! – сказала я. – Тут мы ничем не поможем, тут психиатр требуется!

Женщина дернулась, крутанулась на пятках и бросилась в прихожую, мимоходом царапнув меня ногтями по предплечью. Я пошла за ней и увидела только, как черная куртка с вышитой на спине птицей мелькнула уже за дверью.

– Уф, – сказал вышедший за мной дядя Вася. – Ну, хорошо, что она сама ушла. Правда, как бы чего не устроила... Думаешь, это от стресса у нее все? Ну, расстроилась, что мужа потеряла... в конце концов, можно понять...

Я молчала. Что-то мне в этой истории показалось странным, нелогичным. Как она быстро убежала, узнав, что мы собираемся вызывать психоперевозку. Да нет, психи очень умными бывают и хитрыми, это все знают.

И все-таки... Я закрыла глаза, чтобы сосредоточиться, и тотчас перед моим внутренним взором возникли две руки. Между прочим, с приличным маникюром. На ногтях гель-лак. Ну,

допустим, держится он долго, допустим, сделала она маникюр еще до смерти мужа, да так и ходит. Но все же на три недели не похоже... Эх, показать бы ее Светке-маникюрше, она бы сразу определила, когда точно маникюр сделан!

А если недавно, то что же получается? Маникюр сделала, а голову вымыть забыла?

И еще. Я открыла глаза и встретила взглядом с дядей Васей.

– Ты чего, тезка? – спросил он участливо. – Испугалась? Ладно, обошлось же...

Я только вздохнула. Ну не рассказывать же ему, что меня одолели сомнения. Потому что кожа на руках женщины была гладкая и белая. Никаких веснушек. А так не бывает. У рыжих, если уж есть веснушки, то везде, и на лице, и по всему телу. Была у нас в классе одна девочка, Люба Саломатина. Рыжая как огонь. Так у нее веснушки были даже на веках, ну и по всему телу тоже, на плечах кожа так просто коричневой казалась.

А у этой нервной особы на лице веснушки были, а на руках – нет... странно!

Тут Бонни ударился в дверь головой, и я посмотрела на часы. Черт, опоздала уже в парикмахерскую...

Я вылетела в прихожую и тут, надевая кроссовки, увидела, что на полу валяется мобильник. Не мой и не дяди-Васин. А тот самый, которым трясла эта ненормальная. Все ясно: выронила его и не заметила, в таком была возбуждении.

Я открыла дверь, на площадке, разумеется, никого. Лифт ехал вниз, я выглянула в лестничное окошко, но из подъезда никто не вышел. Значит, убежала уже. И вот что теперь делать? Как ее искать, чтобы отдать мобильник?

Я провела пальцем по экрану телефона, и он засветился. А потом запищал, – оказалось, пришла эсэмэска.

Читать чужие сообщения нехорошо, но я невольно прочла:

Лена, встречаемся, как договаривались, сегодня в 13.00 в торговом центре «Вертикаль». Буду ждать в том же кафе, где всегда.
Андрей.

Ага, подумала я, Андрей. Тот самый, который, как она считает, убил ее мужа.

Да, у женщины, похоже, и впрямь качественно поехала крыша. Без медицинской помощи не обойдешься. Хотя Андрей, несомненно, в ее жизни есть, вот же от него сообщение.

Ладно, авось спохватится и вернется. Только я уже буду начеку, сразу мобильник ей суну и выгоню, не стану ее слушать, скажу, что детектива Куликова дома нет. Уехал он. В отпуск, в командировку, в Африку на постоянное местожительство.

Я заперла дверь, и тут снова позвонили.

– Ну что же вы, – сказала я, приоткрывая дверь на щелочку, и даже ногу на всякий случай подставила, – я как раз уйти собиралась, хорошо, что вы меня застали...

Куда там! Дверь распахнулась, как будто в нее бухнули кувалдой. Или еще есть такая машина, которая старые дома ломает, здоровенной чугунной штуковиной в стены лупит. А то еще в Средние века были стенобитные орудия.

Меня отбросило в противоположный конец прихожей, хорошо, что я удачно приземлилась, ничего себе не сломала. А к нам ворвалась вовсе не давешняя сумасшедшая, а нечто гораздо хуже. Та хоть вошла прилично, потом начала куролесить...

В дяди-Васиной прихожей, которая и так-то была не слишком большая, тут же стало тесно, потому что вошедшая оказалась здоровенной старухой совершенно ужасающей внешности. Волосы ее, пегие от седины, круто топорщились, не то от химии, не то сами по себе, наподобие проволочной щетки. Ноги напоминали тумбы, и этими тумбами она очень ловко умела управлять, во всяком случае, в дверь точно шандарахнула ногой.

– Вы кто? – ошалело спросила я, пытаюсь подняться. – Вы, наверно, квартирой ошиблись...

– Я – кто? Это я-то – кто? – загремела старуха. Хотя что это я, какая старуха, это слово не подходило к такой горе. Настоящий монстр! Такую только в фильме ужасов снимать!

– Это я квартирой ошиблась? – заорала монстриха, так что в окнах задребезжали стекла. – Не-ет, я-то как раз куда надо приехала! Это тебя я вымету поганой метлой сей же час! От тебя здесь и мокрого места не останется!

Ну вот, снова-здорово, опять психованная попалась! Ну что за день сегодня такой!

– Василий Макарович! – крикнула я, здраво рассудив, что одной мне точно не справиться. Да эта старушенция одна против взвода омонцовцев выстоит!

– Макарович! – усмехнулась она. – Вот как! Был Васькой, а теперь вот Макарычем стал, ну надо же...

Так-так, стало быть, это вовсе не клиентка. Эта визитерша, значит, к дяде Васе по личному делу.

Тут как раз явился дядя Вася собственной персоной. Услышал, значит, дошло до него.

– Василий... – начала я, приподнимаясь, и тут же осеклась, увидев его лицо.

Он посмотрел на старушенцию, и тут же лицо его сделалось серым, губы задрожали, и глаза забегали, причем одновременно в разные стороны. Прежде я такого не видела. Он сделал было неуверенный шаг назад, затем сжал зубы и остался на месте, только прислонился к косяку, потому что ноги его не держали.

За те полтора года, что мы работаем вместе, я хорошо изучила своего шефа. И сейчас безошибочно определила, что дядя Вася боится. Вот именно, он смертельно испугался эту тетку.

Ну надо же! Человек больше двадцати лет в полиции отработал, всякого повидал, участвовал в задержании матерых уголовников, да и от природы был не робкого десятка, и мы с ним в разные опасные ситуации попадали, но чтобы так бояться...

Василий Макарович умирал от страха.

Все эти мысли промелькнули у меня буквально за секунду, а жуткая старуха в это время распахнула рот и заорала не хуже паровой сирены:

– Нет, что же это делается, а? Что творится? Не успел жену законную похоронить, как уже в дом бабу привел! Да креста на тебе нет, иуда ты прокаженный!

– Таисья Пална... – пробормотал дядя Вася не своим, а каким-то блеющим голосом, ну чисто козленок, которого ведут на заклание. – Вы как здесь оказались?

Ага, стало быть, они старые знакомые. И какое-то отношение эта жуть болотная имеет к его покойной жене. Кстати, она и не думала дяде Васе отвечать, она его просто не слышала.

– Позвонили мне добрые люди! – ревела она. – Сказали, да я не поверила! Это же надо – молодую бабу в тот самый дом привел, где с законной женой тридцать лет прожил! На ту же самую кровать ее уложил, ирод!

– Таисья Пална, – дядя Вася попытался исправить положение, – это совсем не то, что вы думаете...

И опять бабища его не услышала. По моим наблюдениям, она себя накрутила, довела до такого состояния, какими бывали раньше берсерки – скандинавские бойцы, которые наедались мухоморов и сражались потом без всяких доспехов, чуть не голыми руками, причем никто не мог их одолеть.

– Мало тебе, что доченьку мою до смерти довел! Мало того, что в гроб ее вогнал! – орала она вовсе уж что-то несусветное. – Так теперь ее позоришь! Память ее светлую не бережешь!

Так, кое-что наконец прояснилось. Значит, теща она ему. То есть бывшая. Ну, дяде Васе не позавидуешь, тридцать лет с женой прожил, стало быть, с тещей тоже тридцать лет общался. Как он, интересно, столько выдержал? И, судя по тому, как он ее боится до смертельных колик, теща всегда такая была, а не то что сегодня мухоморчиков наелась случайно. Да сейчас и грибов-то еще в лесу нет, разве что она их впрок заготавливает, прошлогодние доедает...

Опять-таки все это я осознала очень быстро, потому что медлить было никак нельзя.

– Убийца! – орала теща. – Доченьку мою родимую до смерти довел, чтобы эту... – тут она без запинки вставила непечатное слово, – в дом привести!

Затем махнула рукой и точным движением смела со стены вешалку. Хорошо, что сейчас лето и на вешалке болтались только дяди-Васина куртка да поводок Бонни.

Придя от упавшей вешалки в еще большую ярость, теща повернулась ко мне:

– А ты чтоб сию минуту забирала свои манатки и вон из дома! Ишь, понаехали тут, на квартирку-то городскую!

Я посмотрела на нее искоса. Да, тут никакие разговоры и объяснения не помогут, она их просто слушать не станет. Тут надо по-другому действовать.

– Что вылупилась? – заорала теща и сделала ко мне один широкий шаг. – Да я тебя сейчас... – Она попыталась пнуть меня своей правой тумбой, но я увернулась.

– Таисья Павловна! – В руках у дяди Васи оказался мобильный телефон, тот самый, что оставила в прихожей предыдущая посетительница. – Вот я сейчас же вызываю патруль! И вас заберут, я уж позабочусь, чтобы в обезьяннике подольше продержали! У меня там знакомые есть, пойдут мне навстречу!

Ну, это он зря, эту монстриху полицейским обезьянником не испугаешь. Она там всех бомжей и хулиганов построит, да что там, все отделение разнесет!

Пока теща отвлеклась на бывшего зятя, я ползком подобралась к двери в спальню, где был заперт Бонни. Кстати, обычно в таких случаях он подвывает и бьется головой о дверь с требованием выпустить, а тут что-то затих.

С трудом я откинула крюк и толкнула дверь.

– Бонни, на выход!

И что вы думаете? Этот паршивец и не думал выходить! Он осторожно высунул свою огромную голову в прихожую и опасно смотрел, как теща схватила дядю Васю за ворот рубашки и начала трясти, приговаривая:

– Ты у меня узнаешь, козел, как девок водить! Ты меня еще вспомнишь!

Воротник рубашки врезался в его шею, и лицо дяди Васи из серого превратилось в багровое, щеки распухли, и глаза готовы были выкатиться из орбит.

– Бонни, взять ее! – заорала я не своим голосом, потому что поняла, что еще совсем немного – и мой шеф очочурится прямо тут, в собственной прихожей.

Вы не поверите, но Бонни удалось повалить эту гору только с третьего раза. И то только потому, что, как говорил слон в замечательном мультфильме, наше оружие – внезапность.

Когда теща осознала себя лежащей на полу, а на груди у нее стояли огромные лапы и прямо в лицо смотрела жуткая оскаленная морда размером с приличный чемодан, да еще и слюна капала с клыков, то она взвыла диким голосом:

– Ох! Умираю! – и закрыла глаза.

– Ты чего, Василиса? – Дядя Вася рванул ворот рубашки, так что отлетели пуговицы, мигом продышался и устался на тещу. – Еще помрет она, неприятностей не оберешься!

Но я-то находилась ближе и видела, что теща чуть приоткрыла левый хитрый глаз. Стало быть, придуривается. Ну ладно, мы тоже не лыком шиты. Это она нас врасплох застала, а так мы очень даже ничего, можем за себя постоять.

– Василий! – строго сказала я, а сама тихонько ткнула своего шефа в бок. – Опять ты не догоняешь! Помрет сразу – так это даже лучше, не придется с ней возиться!

– А куда ее девать? – Дядя Вася понял мой намек. – Опять, что ли, в саду закапывать, как прошлый раз? Так это мы целую ночь провозимся, вон она какая здоровая!

– Ну, зачем закапывать? Мы ее пока в ванну отнесем, там расчленим и будем понемногу Бонни скормливать. Мясо-то на рынке как подорожало, не подступишься, а собака без мяса никак не может.

– Бонечка, эк тебе подфартило-то! – весело закричал дядя Вася. По-моему, он здорово вошел в роль. – Тебе тут на целый месяц хватит! Пойду за тесаком! Еще кувалду прихвачу, чтобы, если жива, по голове ее двинуть...

– Пилу не забудь, кости пилить!

– Непременно! – И дядя Вася ушел, напевая куплеты тореадора, видно, представив, как он лупит тещу по голове кувалдой. Небось все тридцать лет об этом мечтал...

– Опять все кровищей измажет... – тяжело вздохнула я. – А кому отмывать придется? Конечно, опять мне... Бонни, да отойди же, дай нам ее расчленишь! Потом тебе печеночки дам... Где-то у меня пленка была, от ремонта осталась...

Тут теща осторожно пошевелилась и открыла глаза, затем попыталась сесть.

– Лежа-ать, – ласково пропела я, – сейчас мы тебя, бабка, навеки успокоим...

И подскочивший дядя Вася взмахнул кувалдой. Теща хрюкнула и закатила глаза по настоящему.

– Черт! – испугался дядя Вася. – Неужели и правда померла? Таисья Павловна, мы пошутили!

Я похлопала монстриху по щекам, она не отреагировала. Видно, действительно отключилась.

– Ну вот, доигрались! – Дядя Вася уже тыкал в кнопки телефона. – «Скорая»? Тут женщине плохо, без сознания она! Не знаю. Как вошла, так и грохнулась на пол. Букина! Не Букина, а Букина! Букина Таисья Павловна! Я-то кто? Зять ее бывший. Понятия не имею, я с ней пять лет не видался! Нет, не померла, жива еще, дышит! Точно говорю, дышит! Ладно, жду! – Он отключился. – Приедут. Ты прибери тут, а то подумают, что мы ее нарочно того... Бонни, пойдем уж!

«Скорая» приехала на удивление быстро, и, увидев отдыхающую на полу тещу, врач только покрутила головой. Похлопала по щекам, посчитала пульс, сделала укол, и теща открыла глаза. Глаза у нее были абсолютно пустые, ничего в них не отражалось, никакого осмысленного выражения. Однако и раньше я не больно-то ей в глаза смотрела, хотя вспомнила, что они сверкали злобно.

– Ну? – спросила я. – Что с ней?

– А я знаю? – огрызнулась врач. – Может, инсульт, а может, просто обморок. Эй, как ее... Таисья Павловна, вы меня слышите? – Она провела рукой перед тещиними глазами.

Снова никакого результата.

– Как она упала-то? – нахмурилась врач. – Может, головой сильно приложилась?

– Нормально упала, – забеспокоилась я, – поскользнулась на ровном месте, зашаталась, да и грохнулась.

– Не смогли удержать? – прищурилась врач.

– Да как ее удержишь-то! – рассердилась я. – Махину такую! Вы сами-то гляньте!

– Документы ее дайте!

Я пошарила в огромной дорожной сумке, которую теща притащила с собой. Вот интересно, она что, жить у дяди Васи собиралась? Или надеялась пришибить его или довести до инфаркта и в его квартире поселиться?

– Да, возраст солидный, – врач листала паспорт, – вес явно лишний... сосуды небось в ужасном состоянии... в общем, в больницу ее забираем, там точный диагноз установят.

– Куда нынче везете? – озабоченно спросил появившийся в дверях дядя Вася.

Оказалось, что сегодня дежурная Третья городская больница, справедливо именуемая в народе Третья истребительная, и хуже ее в городе вряд ли какая больница найдется. Что ж, так этой бывшей теще и надо.

Хорошо, что с врачом вместо фельдшера ездил студент, так и то им с дядей Васей такую машину было не поднять, и я привела со двора двух тихих алкоголиков Мишу и Гришу. Еще и на бутылку пришлось им дать из своего, между прочим, кармана!

– Что это вообще было? – спросила я дядю Васю, когда мы наконец закрыли двери.

– Ох, тетка, это кошмар моей жизни! – закручинился он. – Вот такая вот попалась злыдня. Знаешь, бывает любовь с первого взгляда? Так вот она меня возненавидела с первого взгляда, всячески жизнь портила, Татьяна покойная с ней разругалась и никаких отношений не поддерживала. Квартиру ей оставила, ко мне переехала, так и то теща все скандалить приходила.

Потом продала она квартиру, уехала куда-то к родственникам в провинцию, только мы вздохнули спокойно, как она стала наезжать раз в год и такое устраивать! Сколько телег на меня накатала на работу – не перечить. И квартиру-то я у нее отнял, а ее на улицу выгнал, и отравить хотел...

Дядя Вася вздохнул и продолжил:

– А потом, когда жена болеть начала... ну, она ей жизнь, конечно, здорово укоротила. Даже на похоронах хотела натуральный скандал устроить, так ребята ее, конечно, скрутили. Потом приходила, жаловалась, что я жену отравил, представляешь? Тут уж начальство рассердилось. Припугнули ее, она и убралась восвояси. Я про нее и думать забыл, а тут такое...

– Кто-то из соседей вас очень любит, – ехидно заметила я, – и с ней связь поддерживает. Наговорили, что я у вас живу, вот она и приехала разбираться.

– Она совсем ненормальная, – вздохнул дядя Вася, – всегда такой была. Тетка, может, чайку попьем? Стресс снимем. Что-то мне как-то не по себе...

Я повернула голову, чтобы взглянуть на часы, что висели на кухне. Я подарила их дяде Васе на прошлый День полиции. Часы эти мне понравились тем, что внизу был циферблат, а наверху – резная деревянная рамочка, куда очень удачно вошла фотография Бонни. Просто его добродушно улыбающаяся морда. Обычно, когда Бонни улыбается, он выпускает еще солидную порцию слюны, но на снимке это совсем незаметно.

Итак, я посмотрела на часы и вспомнила про парикмахерскую. Ага, выходит, что опоздала почти на час! Да еще и не предупредила, что не приду, так что теперь мастер будет очень недовольна. Ну, теща, удружила!

Я решила все же позвонить в салон, но под руку попался совсем не мой мобильник.

Ой, это же телефон той неадекватной клиентки. Да, по сравнению с бывшей дяди-Васиной тещей она просто ангел, а не женщина...

Все же что-то показалось мне в ней подозрительным. Ах да, кожа на руках, и маникюр свежий...

Стало быть, она ненатурально рыжая. А может, и все остальное у нее тоже ненатуральное, и внешность, и поведение, может, она просто притворялась сумасшедшей? Но тогда зачем она к нам приходила? Заранее условилась о встрече, значит, хотела что-то частному детективу поручить... Странно все...

Я набрала номер Андрея, который прислал эсмэску. Сейчас спрошу его, что он знает о Елене Сорокиной, возможно, сможет кое-что прояснить.

– Этот номер не обслуживается! – сказал равнодушный женский голос.

Как это – не обслуживается? Вот же с него только что сообщение прислали!

– Этот номер не обслуживается! – теперь в голосе звучало раздражение, или мне так показалось.

Я просмотрела все сообщения. Их было немного. То же самое насчет встречи в торговом центре «Вертикаль», еще парочка о скидках в сетевых магазинах. Не было в телефоне ни списка контактов, ни журнала звонков. Странно...

– Дядя Вася! – сказала я, входя в кухню. – Насчет клиентки, что приходила...

Но дядя Вася привалился к столу и потирал левую сторону груди. Так, только этого мне еще не хватало!

Следующий час я возилась со своим шефом. Дала ему сердечное лекарство, напоила горячим сладким чаем и уложила на диван. Вызывать врача он категорически отказался, сказал, что немного отлежится и все пройдет.

Так и оказалось, потому что минут через двадцать он попросил к чаю бутерброд с колбасой, потом – с сыром, потом доел песочное печенье, а потом заснул.

Я поняла, что до вечера детектив Куликов – не боец, и решила действовать самостоятельно.

Снова набрала номер Андрея и снова получила тот же ответ. Все это мне начинало очень не нравиться.

А что, если проехаться туда, в этот торговый центр «Вертикаль», и посмотреть своими глазами на этого Андрея, который пишет сообщения с несуществующего номера?

Вот не спрашивайте, с чего это я завелась. Просто зуд какой-то меня одолел, вот чувствовала, что дело тут нечисто. И что нас с дядей Васей замешали в это дело неспроста. Разумеется, он бы меня никуда не пустил, сказал бы, что у меня очередная блажь... ну, сами знаете, что мужчины говорят в таких случаях. Так что это даже хорошо, что он сейчас спит.

Я осторожно приоткрыла дверь спальни. Дядя Вася крепко спал, раскинувшись на кровати, вид у него был совсем не больной. Внизу на полу сладко похрапывал Бонни.

– Будьте умницами, я скоро! – прошептала я и прикрыла дверь спальни поплотнее. Но Бонни что-то почувствовал и поднял лобастую голову.

– Сиди тихо! – приказала я.

Ага, как же! Мой бегемот решил, что я иду гулять, а его с собой не беру. И тут же потрусил за мной из спальни, хорошо хоть дядю Васю не разбудил.

До указанного в эсэмэске времени оставалось всего двадцать пять минут. А ехать к этому торговому центру «Вертикаль» не то чтобы далеко, но очень неудобно. Маршрутки ходят редко, особенно когда спешишь.

Но за двадцать пять минут вполне можно успеть, если вызвать такси...

Я набрала номер оператора, но девушка сказала, что машина приедет только через двадцать минут.

Это меня совершенно не устраивало. Я выскочила на улицу, понадеявшись, что поймаю частного извозчика. Бонни, конечно, попытался увязаться за мной, но я ему отказала в грубой форме. С ним меня ни одна машина не возьмет. Разве что специализированный транспорт для перевозки крупных хищников, который обслуживает зоопарки и цирки.

И зачем мне Бонни в торговом центре, если я собираюсь проследить за встречаей неизвестного Андрея и той женщины, которая приходила к нам?

Бонни собрался завывать, но я успела ускользнуть.

Стоило мне поднять руку, как рядом остановилась неказистая, выдававшая виды синяя «хонда» с разбитым левым фонарем, который делал машину похожей на хулигана с подбитым глазом. Привередничать не приходилось из-за недостатка времени, и я плюхнулась на пассажирское сиденье.

И только тогда разглядела водителя.

Смуглый, с гордым профилем жителя гор, он был удивительно похож на свою машину: такой же неказистый, выдававший виды, и даже под глазом у него красовался внушительный синяк. Только не под левым, а под правым.

– Ну что, красавица, куда едем? – осведомился водитель, покосившись на меня подбитым глазом.

– Да, едем, едем! – спохватилась я. – К торговому центру «Вертикаль», знаете такой?

– Как не знать, красавица! – Он гордо выпятил грудь. – Я здесь уже три год езжу! Я здесь каждый подворотня знаю!

– Ну, если три год, то хорошо. Только побыстрее, пожалуйста! Я опаздываю!

– Не волнуйся, красавица! Как птиц, долечу!

И как раз на этих словах мотор «хонды» заглох.

Джигит чертыхнулся, ударил кулаком по торпеде. Я уже хотела выйти из машины, но он меня удержал:

– Не бойся, красавица, я ее уговорю! Она у меня хорошая, только упрямая! Ее уговорить надо!

Он что-то сказал на своем родном языке, и на этот раз машина послушалась.

Мы наконец помчались в нужном направлении, и я уже облегченно вздохнула, но тут на первом же перекрестке перед нами затормозила другая «хонда», очень похожая на нашу, но только зеленая и с разбитым правым фонарем.

– Ты видела, а? – воскликнул мой возница, выразительно взмахнув рукой в сторону зеленой машины. – Нет, ты видела, что он творит? Ты видела, что этот шакал творит? Как будто он первый раз за руль сел! Как будто он первый раз машина увидел! Приехал из своего аула и прямо за руль!

Тут же он выскочил из машины, подбежал к конкуренту и что-то заорал на своем языке. Из зеленой «хонды» выскочил второй джигит, чем-то неуловимо похожий на моего, и ответил ему такой же длинной темпераментной тирадой.

Красный свет сменился на желтый, потом на зеленый, а темпераментные джигиты все еще переругивались. Казалось, что сейчас у них в руках появятся кинжалы. Вокруг раздавались нетерпеливые сигналы других водителей.

Наконец они обменялись последними гневными репликами и разошлись по машинам.

– Нет, ты видела, что он вытворяет? – возмущенно проговорил мой извозчик, выжимая наконец сцепление, и добавил удовлетворенно, с затаенной гордостью: – Земляк мой, почти родственник! В соседнем ауле рос! Настоящий джигит!

Я покосилась на часы.

Был уже час.

– Мы опаздываем, – проговорила я сердито. – Вы обещали долететь, как птиц...

– Я обещал – я долечу! – гордо воскликнул сын гор... и тут его машина снова заглохла.

В результате, когда я влетела в торговый центр и поднялась на второй этаж, было уже пятнадцать минут второго.

По дороге я раздумывала, как я узнаю автора сообщения. Надеюсь только на то, что в такой ранний час в кафе торгового центра будет немного людей, и уж совсем мало одиноких мужчин подходящего возраста...

И потом, та женщина, которая представилась Еленой Сорокиной, она же должна быть рядом с ним. А если она не пришла? Ладно, что-нибудь придумаю.

Но когда я подбежала к кафе, поняла, что моим надеждам не суждено сбыться.

Там было много народу, причем все люди какие-то странные, сосредоточенные, ничуть не похожие на обычных посетителей сетевого кафе. И они не сидели за столиками, мирно попивая капучино с корицей или латте, а толпились вокруг одного из столов с озабоченным и деловым видом.

Я замедлила шаги и пригляделась.

Тут люди немного расступились, и я увидела в образовавшемся просвете тот самый стол, вокруг которого все сгрудились. И не только стол, но и еще кое-что. Точнее, кое-кого.

Люди вокруг стола снова перегруппировались, закрыв обзор, но у меня перед глазами отчетливо стояла картина, которую я успела увидеть. Как будто я ее сфотографировала моментальным фотоаппаратом и теперь рассматривала.

На стуле перед столом сидел хорошо одетый мужчина лет сорока. Точнее, он не сидел, а полулежал, безвольно откинувшись на спинку стула и запрокинув голову.

И хорошо одетым его можно было назвать только с некоторой натяжкой. Приличный темно-серый костюм и светло-голубая рубашка были безнадежно испорчены огромным красным пятном на груди, в центре которого торчала рукоятка ножа.

– Мама... – пролепетала я, резко затормозив.

До меня дошло, что это наверняка тот самый человек, на встречу с которым я спешила. И что он убит. Зарезан. Потому что надеяться, что это не Андрей, а совершенно посторонний тип, которого прирезали по совершенно другому, не касающемуся нас с дядей Васей делу, значило бы сильно переоценивать силы Провидения. Ну не бывает таких совпадений!

Первым моим побуждением было немедленно сбежать из этого злополучного кафе, сбежать из этого торгового центра, примчаться к дяде Васе в его скромную квартиру, переделанную в офис, и прижаться к Бонни... к моему милому, дорогому Бонни, который защитит меня от кого угодно, утешит, облизнет своим шершавым языком...

Но потом я осознала, что это было бы глупо, трусливо, а самое главное – непрофессионально. Что я не какая-нибудь робкая, недалекая домохозяйка, а частный детектив, оперативный работник, настоящий профессионал, и что прежде чем уйти отсюда (именно уйти, а не убежать, как трусливый заяц), я должна собрать максимум информации. Чтобы было что рассказать дяде Васе, потому что он непременно устроит мне допрос с пристрастием, да еще станет при этом ворчать, что учит меня, учит, а все без толку.

В общем, я знала все, что он скажет, потому что будет чувствовать себя виноватым, ведь это он договаривался с этой неадекватной клиенткой. А когда мужчина виноват, он, во-первых, никогда в этом не признается, а во-вторых, злится на того, кто рядом. В данном случае рядом я и Бонни. Ну, Бонни-то дядя Вася обожает.

Я придала лицу скучающе-любопытное выражение, будто занималась шопингом, совершенно случайно проходила мимо и тут увидела что-то необычное. С этим выражением я подошла как можно ближе – пока меня не остановил долговязый парень с квадратной челюстью.

– Девушка, – проговорил он раздраженно, – здесь нельзя ходить.

– Почему нельзя? – осведомилась я самым глупым тоном, на какой была способна. – А я хотела кофе выпить...

– Выпейте в другом месте. Это кафе закрыто.

– Закры-ыто? – переспросила я, вытянув шею, как любопытный жираф. – А что такое случилось?

– Что надо, то и случилось! – отрезал он.

И тут я увидела чуть в стороне от трупa официантку – худощавую крашеную блондинку лет сорока, которая разговаривала с долговязой девицей, чем-то похожей на строгого парня, который не подпускал меня к месту преступления.

Точнее, это был не совсем разговор. Строгая девушка снимала с официантки показания – кажется, так это называется на профессиональном жаргоне.

– Она была какая-то странная! Очень странная! – восторженно лепетала официантка, одновременно косясь на свое отражение в зеркальной витрине соседнего бутика, проверяя, хорошо ли она выглядит. Видно было, что она счастлива в кои-то веки оказаться в центре внимания. В ее серых буднях произошло что-то необычное, удивительное, пусть даже трагическое.

– В чем именно это выражалось? – уточнила ее собеседница. – Скажите конкретнее!

– Ну, вся такая... – Недостаток слов официантка компенсировала выразительными жестами. – Рыжая, растрепанная... и эта ее куртка – длинная, черная, с капюшоном... прямо ведьма! Я одно кино видела, ужастик, так вот там была точно такая женщина, и она потом оказалась ведьмой...

Я насторожилась.

Описание официантки как нельзя лучше подходило той странной клиентке, которая недавно заявила в наше агентство. Той самой клиентке, которая говорила, что ее хотят убить, разбила стакан, забыла у нас свой телефон...

Тут рядом с местом действия появился новый человек. А именно мой знакомый полицейский – капитан Творогов.

Хорошо, что у кафе было два входа. Или два выхода, это как кому больше нравится. Я препиралась с высоким парнем у одного, а Леша Творогов вошел в другой. Выражение лица у него было мрачное, впрочем, у него всегда такой вид, как будто ботинки жмут или зарплату задерживают.

С капитаном Твороговым меня связывали долгие, непростые и неоднозначные отношения. Вроде бы он за мной ухаживал, но иногда в это было трудно поверить. Познакомились мы, когда меня облыжно и несправедливо обвинили в убийстве, потом, с помощью дяди Васи, нашли настоящего убийцу, и в процессе этого расследования Леша Творогов положил на меня глаз.

Скажу честно, я тогда еще не развелась с мужем, так что совершенно не хотела никаких отношений. Да и Леша, мягко говоря, неказист – росту невысокого, лопоухий. И характер плохой. К тому же он плохо относится к Бонни. А Бонни – свет моих очей, самое дорогое для меня существо... Но об этом я уже говорила.

Так вот, Леша с Бонни друг друга недолюбливают. Бонни ревнует меня к Леше, к тому же у него дома живет кот. А кот и собака... сами понимаете, это очень сложно.

Капитан Творогов имеет напарника – Ашота Бахчиняна. На первый взгляд непонятно, как эти двое ладят, потому что они совершенно разные. Ашот обладает легким веселым характером, обожает всех женщин, всем говорит комплименты, за всеми не прочь приударить, при том что имеет жену и троих детей.

Но что-то не слышно его звучного голоса. Творогов почувствовал мой взгляд и повернул голову.

Ох! Только бы он меня не заметил! Потом не оправдаешься! Пристанет как бультерьер – что я здесь делаю, да как оказалась на месте преступления, да не причастно ли наше агентство... нет, нужно побыстренько отсюда ретироваться!

Я скользнула за большущую керамическую кадку с раскидистой монстерой и уже видела перед собой коридор, ведущий к выходу... и тут как раз в этом коридоре появился второй полицейский из сладкой парочки, великолепный капитан Бахчинян собственной персоной. Еще шаг – и он на меня буквально наткнется...

Я попятилась, увидела сбоку от стойки кафе неприметную дверку, тихонько приоткрыла ее и юркнула в темноту.

Я оказалась в маленькой полутемной комнате, где помещались деревянные стеллажи с какими-то банками и коробками. Здесь было тесно и пыльно, и у меня сразу зачесалось в носу, ужасно захотелось чихнуть. Я потерла нос и тут услышала за стеллажом какое-то тоненькое, тихое поскуливание.

Что там – щенок, что ли?

Я заглянула за стеллаж – и попятилась.

На полу за стеллажом скорчилась женщина в длинной черной куртке с капюшоном. Даже в полутьме были хорошо видны ее растрепанные огненно-рыжие волосы. И еще – яркая фантастическая птица на спине куртки...

– Это ты? – выпалила я удивленно и тут же исправила свою невольную оплошность: – Это вы? – Все же как-никак она могла стать нашей клиенткой, а с клиентами нужно обращаться уважительно. Даже если они сидят, скорчившись на полу, и скулят...

Хотя... все это мне очень не нравилось. Сами посудите: только этим утром она заявила нам, что Андрей якобы убил ее мужа. А потом пришла к нему на встречу, и что я вижу, опоздав

всего на двадцать минут? Правильно – труп этого самого Андрея. И ее, прячущуюся в темном углу совсем рядом с местом преступления.

Мелькнула запоздавшая мысль, что зря я сюда пришла. Сидела бы у дяди Васи или в салоне красоты, сейчас бы волосы покрасили и постригли, опять же брови...

– Я его не трогала! – пролепетала женщина, подняв на меня глаза. – Он был уже мертвый... – Она всхлипнула и повторила: – Он назначил мне встречу в этом кафе... прислал сообщение... но когда я пришла, он уже был... он был уби-ит... – И она тихонько, горько заплакала.

– Тише, не плачь! – шикнула я на нее, достала платок и протянула ей: – На, вытри слезы!

Вот как хотите, но не собиралась я выволакивать ее сейчас в зал и сдавать полиции. Пускай они сами ее ищут.

Женщина подняла ко мне заплаканное лицо и еле слышно пролепетала:

– Я его не убивала! Вот честное слово, не убивала! Когда я пришла, он был уже...

И тут я поняла, что это не она.

То есть не та женщина, которая приходила к нам в агентство.

Она была на ту очень похожа – но все же мой наметанный взгляд не так легко обмануть.

Начать с того, что эта женщина была настоящая, природная рыжая. У нее были не только натуральные рыжие волосы, но и характерная для большинства рыжих розоватая, полупрозрачная кожа, покрытая густой россыпью веснушек.

У той женщины, что приходила к нам в агентство, на лице тоже были веснушки, но на руках кожа чистая. Из чего я сделала вывод, что веснушки на лице были искусственного происхождения... в наше время столько разнообразных косметических средств, что навести веснушки ничего не стоит...

Кроме всего прочего, я мимоходом отметила, что на ногах у этой женщины были кроссовки. Модные замшевые кроссовки со стразами. А та, что приходила в офис, была в черных кожаных туфлях без каблуков, уж это я точно помню, она еще на пороге споткнулась. И волосы у той были немытые, сальные какие-то, а у этой нормальные, хорошая такая густая грива, растрепанная, правда, но это отнесем за счет страха и растерянности.

И голос у этой хоть и плачущий, тихий, но в общем обычный, а у той, что к нам приходила, один сплошной надрыв был.

И все это вместе значит...

– Слушай, – проговорила я под влиянием мгновенного наития, – а как тебя зовут?

– Лена, – пролепетала она сквозь всхлипывания.

– Лена, а дальше?

– Лена Сорокина...

Вот те на!

Впрочем, я почти не удивилась. Честно говоря, я чего-то похожего ожидала, потому и спросила о ее имени. Но опять же, все это значит... если у той особы, что приходила к нам в офис, были поддельные веснушки и крашенные волосы – вполне логично предположить, что имя у нее было тоже фальшивое, а настоящая Елена Сорокина здесь, передо мной, жалобно всхлипывает.

Впрочем, сейчас было не самое подходящее время для таких рассуждений.

Я находилась в кладовке, в нескольких шагах от места преступления, вместе с женщиной, чье описание соответствовало описанию убийцы. Нас пока еще не нашли – но это дело времени, через пять минут или через полчаса полицейские непременно осмотрят все прилегающие к кафе помещения и найдут наше убежище...

Кроме того, от пыли у меня все еще чесалось в носу, и я еле сдерживалась, чтобы не чихнуть. Ведь тогда все события ускорятся, и нас найдут не через полчаса, а сейчас, немедленно...

Так, может, оно и к лучшему? Я-то в любом случае ни в чем не виновата...

Правда, у моих знакомых полицейских, у двух бравых капитанов, на этот счет может быть особое мнение. И переубедить их будет очень трудно. Особенно когда они узнают имя рыжей женщины и каким-то образом раскопают, что женщина с такой же внешностью и с таким же именем приходила в наше агентство...

У дяди Васи и так с бывшими коллегами отношения плохие. Некоторые из них думают, что он заколачивает огромные деньги (хотя какие уж тут доходы, еле концы с концами сводим), а другие считают, что дядя Вася постоянно мешает расследованиям. Во всяком случае, двум капитанам начальство строго-настрого запретило с дядей Васей общаться. Ну, ко мне-то это не относится, я всегда могу притвориться, что просто хочу обратить на себя внимание Леши Творогова. Однако в данный момент такая уловка не сработает, меня застанут на месте преступления, и ничего я не смогу доказать.

Была у меня еще одна, пусть довольно призрачная возможность – оставить Сорокину здесь, пусть выпутывается как хочет, а я попытаюсь ускользнуть из торгового центра, может, мне это и удастся, и я не столкнусь ни с Твороговым, ни с Бахчиняном. Но бросить всхлипывающую, перепуганную женщину наедине с ее неприятностями... нет, на это моего окаянства не хватит. Неизвестно к чему я вспомнила, как бежала от полиции в полной панике совершенно одна, и только дядя Вася протянул мне руку помощи.

А Елена все всхлипывала и причитала:

– Я его не убивала! Когда я пришла, он был уже мертвый! Честное слово! Ты мне не веришь?

Делайте со мной что хотите – но я ей поверила. Такая безысходность была в ее голосе, такое неподдельное отчаяние, какое не изобразишь, не сыграешь.

– Вот что, – сказала я тихо, но твердо. – Если ты хочешь, чтобы я тебе помогла, – замолчи. Можешь страдать, но только беззвучно. Иначе нас тут же найдут. Поняла?

Женщина быстро закивала и действительно перестала причитать. И даже почти не всхлипывала.

– Молодец! – одобрила я. – А теперь я схожу на разведку, а ты пообещай мне, что никуда не денешься, что будешь, во-первых, сидеть здесь, и во-вторых – сидеть тихо!

– Обещаю... – пролепетала Сорокина, но видно было, что это обещание далось ей с трудом.

А что ей еще оставалось?

Елена скорчилась на полу за стеллажом. Я тихонько приоткрыла дверь и выглянула.

Возле трупы копошились два человека в белых комбинезонах – видимо, эксперты-криминалисты. Остальные рассеялись по сторонам – осматривали окрестности места преступления и опрашивали возможных свидетелей. Творогова с Бахчиняном пока не было видно, но это ничего не значит.

И тут в нескольких шагах от кафе я заметила магазинчик, торговавший летней одеждой самого низкого пошиба – сарафанами и пляжными балахонами немислимых размеров и расцветок, соломенными шляпами и парео.

Я выскользнула из укрытия, опустила глаза и быстро перебежала в этот магазин.

Посетители не баловали его вниманием, что неудивительно, учитывая ассортимент, и продавщица, рослая тетка средних лет с лошадиной физиономией, безмятежно читала роман в яркой глянцевой обложке. При моем появлении она оживилась и отложила книгу, однако, разглядев меня и поняв, что я не отношусь к категории ее покупательниц, снова потянулась за романом. Однако прежде задала традиционный вопрос, который уже стал у нее безусловным рефлексом:

– Я вам чем-нибудь могу помочь?

– Можете! – Я показала ей на самый длинный и бесформенный балахон – оранжевый, с сиреневыми разводами: – У вас нет такого же, но потемнее?

Продавщица оживилась, вскочила и метнулась к подсобке:

– Есть, есть, сейчас я вам покажу!

И она тут же приволокла еще два балахона – еще более страшных, чем первый, но действительно темных. На одном по темно-лиловому фону были разбросаны золотые и серебряные звезды. В таких балахонах иногда выступают фокусники на детских утренниках. На втором по темно-бордовому фону повторялись какие-то закорючки, напоминающие иероглифы.

В глазах продавщицы были смущение и робкая надежда – должно быть, даже на фоне ее товара эти балахоны выглядели ужасно, и она никак не рассчитывала их продать.

– У нас акция, – сообщила она неуверенно. – Два таких платья вы можете купить по цене одного.

Разумеется, она не надеялась, что я попадусь на эту удочку: какой женщине в здравом уме может понадобиться такой балахон, а тем более два?

Но мне-то как раз это и было нужно.

– Беру вот эти два! – заявила я решительно. – Только мне еще понадобятся два таких же темных шарфа.

– Вы имеете в виду парео? – уточнила продавщица с апломбом.

– Можно и парео, – согласилась я. – Они у вас тоже идут два по цене одного?

– Тоже, – подтвердила женщина. Она была сама не своя от радости, что сможет одним махом избавиться от такой кучи залежавшегося, никому не нужного барахла.

Я сложила все покупки в пакет, расплатилась, выглянула в коридор и прошмыгнула в кладовку. Вы не поверите, но никто меня не остановил, вообще никто навстречу не попался. Из другого входа как раз выносили тело, и все смотрели туда.

Елена сидела на прежнем месте и честно молчала, только время от времени вздрагивала, по щекам ее текли слезы, а по глазам было видно, что она не рассчитывала на мое возвращение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.